

УДК 930.1

И.В. Лихоманов, В.А. Бойко

«АЗ И Я» ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается взаимосвязь культурно-исторической концепции О.О. Сулейменова с евразийской идеологией 20–30-х гг. XX в. и влияние этой концепции на формирование неоевразийства в постсоветской России. Авторы приходят к выводу, что констатация длительного периода взаимопроникновения древнеславянских и древнетюркских культур в книге Сулейменова является историко-культурным фундаментом гуманистического взгляда на человечество как единую социокультурную общность, движущуюся к справедливому социальному устройству и демократии.

Ключевые слова: евразийство; неоевразийство; культура; идеология; дискурс; консерватизм; реваншизм.

Неоевразийство как широкое «полихромное» течение философско-политической мысли, а также заметное явление в политической жизни России и Казахстана, сформировалось в 90-е гг. XX в. Между тем, интеллектуальные истоки неоевразийства восходят к более раннему периоду. Считается, и вполне резонно, что ключевую роль в формировании базового комплекса неоевразийских идей сыграла деятельность Л.Н. Гумилева, не только как историка, автора научных работ, но и как популяризатора собственных взглядов. Лекции, которые Гумилев читал в 1960-х – первой половине 1980-х гг. в различных аудиториях, включали неоевразийскую компоненту. Однако в условиях жесткого идеологического контроля эта компонента не выдвигалась на первый план и едва ли вообще отчетливо осознавалась слушателями этих лекций. Евразийский цикл печатных работ Гумилева открывала книга «Древняя Русь и великая Степь», которая вышла в свет только в 1989 г. Но еще задолго до ее публикации, в 1975 г., было издано и получило широкую известность произведение другого автора, казахского поэта Олжаса Сулейменова, посвященное истории создания «Слова о полку Игореве». Хронологически это был первый текст, оказавший, как и более поздние работы Гумилева, заметное воздействие на формирование неоевразийского направления философско-политической мысли. Анализ этого текста представляет большой интерес для понимания феномена неоевразийства, влияние которого на интеллектуальную и политическую жизнь современной России трудно переоценить.

Комплекс идей, представленный в книге «Аз и Я» О. Сулейменова, мы будем рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения его взаимосвязи с политической идеологией и культурно-исторической концепцией классического евразийства прошлого века и во-вторых, с точки зрения его влияния на современные философско-политические и культурно-исторические концепции неоевразийского толка. Но прежде следует вкратце изложить версию происхождения «Слова о полку Игореве», предложенную автором. Эта версия, а также лингвистический анализ памятника, реконструкция его первичного текста, позднейших дополнений и исправлений, являются фундаментом культурно-исторической концепции Сулейменова.

В книге «Аз и Я» утверждается, что «Слово» было создано в конце XII – начале XIII в. в Южной Руси

(вероятно, в Киеве). После монгольского нашествия вместе с другими уцелевшими от пожаров монастырскими книгами несколько списков «Слова» перевозят в северные княжества, и как минимум один из них попадает в Москву. В конце XIV в. московский список находит монах Софроний (получивший прозвище рязанец или рэзанец). На его основе Софроний пишет поэму о Куликовской битве («Задонщина»), а оригинал уничтожает. В XVI в. другой список находит в Пскове неизвестный монах, который переписывает его, переводя непонятные слова и выражения на язык своего века. Кроме того, он частично переделывает текст и дописывает финал, превращаясь таким образом в *соавтора* «Слова». Глубокая творческая переработка исходной версии памятника значительно меняет его лексику, грамматику, идеологию и общий смысл. Из произведения резко критического по отношению к князю Игорю (корыстолюбивому, вероломному, «несведомому» в воинском деле) и благожелательно настроенного по отношению к половцам «Слово» превращается в патриотическую апологию князя Игоря и его несчастного похода, призывает к объединению князей в борьбе с кочевниками («Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья пльки»). Последние изменения в «Слове» относятся уже к XVIII в. Разбивая сплошной текст рукописи на отдельные слова и предложения, переписчики и издатели искажали его в соответствии со своей интерпретацией каждого трудного места в отдельности и произведения в целом.

В критическом отзыве на книгу «Аз и Я» Д.С. Лихачев эту версию расценил как «совершенно фантастическую концепцию истории создания “Слова”» [1. С. 204], но легко заметить, что в главных чертах она мало отличается от той, что в наши дни признана более убедительной. «Текст СПИ был создан в конце XII – начале XIII века, и переписан где-то на северо-западе в XV или XVI веке», вероятнее всего в Пскове – утверждает крупнейший специалист по лингвистике «Слова» А.А. Зализняк [2. С. 33–34]. Конечно, многие детали версии Сулейменова являются поэтическим вымыслом, и они справедливо подверглись критике. Наиболее уязвимым было предположение о глубокой переработке «Слова» неизвестным автором XVI в. Эту идею не поддержали ни филологи, ни историки. Не поддержал ее и Лев Гумилев, хотя он, возможно, первый привлек внимание Сулейменова к несоответствию между

поводом к написанию произведения (неудачным походом русских князей) и патриотической риторикой «Слова». «Вся страна, вместо того, чтобы справедливо негодовать, радуется и веселится, забыв об убитых в бою и покинутых в плену. С чего бы?!» – иронизировал по этому поводу Гумилев [3. С. 342].

В октябре 1964 г. на заседании отделения этнографии Всесоюзного географического общества Гумилев выступил с докладом, в котором предложил свою гипотезу происхождения «Слова». По его мнению, произведение было написано в 40–50-х гг. XIII в., уже после монгольского нашествия, и в зашифрованном виде содержало призыв к объединению русских князей против захватчиков. Доклад был опубликован в 1966 г. и для Сулейменова важна поставленная в нем проблема. В «Аз и Я» приведена обширная цитата из доклада относительно «недоумения», связанного с политической подоплекой похода Игоря Святославовича. Однако Сулейменов расходится с Гумилевым в объяснении причин загадочного противоречия между трагическим поводом к созданию произведения и его идеологией. Гумилев объяснял это противоречие тем, что автор зашифровал реалии более позднего времени, когда патриотический призыв к объединению и борьбе с монголами был актуален, под события 1185 г., когда такой призыв, по его мнению, не имел никакого смысла, потому что к концу XII в. «перевес Руси над Половецкой степью сделался очевиден» [3. С. 342–343]. Сулейменов же расценил это противоречие как доказательство глубокой переделки и доработки текста памятника монахом-соавтором XVI в.

Гипотеза О. Сулейменова о происхождении, а также дальнейшей истории доработки и переработки «Слова» опиралась на лингвистический анализ текста, в котором он обнаружил (или полагал, что обнаружил) большое количество тюркизмов как явных, так и скрытых, «невидимых» позднейшими переписчиками и переводчиками. Анонимный псковский переписчик и соавтор поэмы, по мнению Сулейменова, немного владел одним из тюркских наречий. Поэтому часть обнаруженных им тюркских слов и выражений, вошедших в литературный русский язык XVI в., он оставлял без изменений, часть опознанных, но непонятных современникам тюркизмов переводил дословно, а часть, ввиду слабого знания тюркских языков, не распознавал вовсе. Эту категорию «невидимых» тюркизмов он также оставлял без изменений, поскольку в восприятии читателя они по созвучию с русскими словами обретали какое-то иное значение. Например, слова «поганый» и «язычник» Сулейменов рассматривал как «невидимые» тюркизмы. В русском языке XVI в. они имели негативные коннотации, а в XII в. должны были восприниматься нейтрально, в соответствии со значением тюркских слов, от которых якобы произошли. Слово «поганый» Сулейменов производил от тюркского «паган» (пастух), а «язычник» – от тюркского «йязык» (степняк). Следовательно, для читателя XII в. эпитеты «поганый» и «язычник» в отношении тюрков-кочевников не должны были восприниматься как негативно-уничтожительные.

Автор первоначальной версии «Слова», по мнению Сулейменова, «знал один из тюркских языков и

разбирался в наречиях» [4. С. 127]. И писал он поэму на смешанном *славяно-тюркском* языке. Но дело не в индивидуальных особенностях авторского письма, а в том, что литературный язык «Слова» отражал ситуацию VI–XII вв., характеризовавшуюся глубоким взаимопроникновением славянских и тюркских культур, в том числе в языковой сфере. «Языковая ситуация, сложившаяся в городах Киевской Руси в XII в., – отмечал Сулейменов, – напоминает мне ситуацию времени Пушкина и Толстого, когда высшее русское сословие было практически двуязычным» [4. С. 182–183]. На основе этих наблюдений и этимологических изысканий он сделал вывод о существовании целой «эпохи славяно-тюркского единства», когда слияние двух культурных миров достигло максимума. Сулейменов рисует идиллическую картину социокультурного единения восточных славян и тюрков. «С дохристианских времен, – пишет он, – славяне мирно общались с тюрками. Вместе пасли скот и пахали землю, ткали ковры, шили одежду, торговали друг с другом, воевали против общих врагов, писали одними буквами, пели и играли на одних инструментах. Верили в одно» [4. С. 186].

Начало эпохи предполагаемого славяно-тюркского единства Сулейменов точно не определял, а ее расцвет связывал с XI–XII вв. – временем господства в Великой степи кыпчаков (половцев). Именно в этот период «Русь срослась с Полем» не только в культурном, но и в кровнородственном отношении [4. С. 102]. Межэтнические браки русских князей с половчанками стали нормой. Они служили основой прочного военно-политического союза между князьями, взявшими себе в жены половчанок, и племенами (родами) кочевников, поставивших русским князьям невест. В русских княжествах оседали многочисленные группы тюрков (берендеи, черные клобуки и др.), которые несли военную службу и получали за это не только деньги, но и территории для постоянного проживания.

К концу XII в. эпоха славяно-тюркского единства, по мнению Сулейменова, подошла к закату. Браки русских князей с половецкими принцессами утратили политическое значение как раз в силу своей широкой распространенности: практически все влиятельные русские князья состояли в родстве с кочевниками. Поэтому новые браки не приносили былой выгоды. Негативное влияние на «славяно-тюркское единство» оказывала и Православная церковь, которая «с первых же шагов своей деятельности начала разрушать коммуникации со степью, обособлявая славяно-христианское сознание» [4. С. 186]. Монгольское нашествие явилось третьим и, по-видимому, решающим деструктивным фактором. С момента завоевания Руси монголами «духовная оппозиция Русь–Поле предельно обострилась», а «культурные контакты, ведущие к взаимопроникновению, приобретают характер эпизодический» [4. С. 187]. Сулейменов приходит к выводу, что **«большую часть того, что можно было получить от тюрков, славяне заимствовали до XIII века»** [4. С. 187]. В том числе речь идет и о языковом обмене. В последующие века билингвизм «эпохи славяно-тюркского единства» постепенно разрушался. В конечном счете, многие тюркские слова и

выражения либо вошли в состав русского языка и перестали восприниматься как тюркизмы, либо их значение забылось и они постепенно исчезли.

Отталкиваясь, таким образом, от лингвистического анализа текста «Слова о полку Игореве», Сулейменов пришел к собственной культурно-исторической концепции евразийского единства. Тот факт, что эта концепция вступала в очевидное противоречие с господствующими в то время в советской исторической науке представлениями, не смущал автора «Аз и Я». Письменные источники он считал менее надежными по сравнению с консервативной интерсубъективной «памятью» языка. «Словарь, – утверждал он, – единственный объективный источник исторических сведений. Язык сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности» [4. С. 186]. К этому надо добавить, что подозрительность и недоверие к советской исторической науке, стремление высвободиться из присущего ей ригидного идеологического схематизма вообще характерны для поколения 1960-х гг. («шестидесятников»), одним из ярких представителей которого был и Олжас Сулейменов, сын репрессированного в 1937 г. кадрового офицера. Но являлась ли культурно-историческая концепция Сулейменова всецело оригинальной? Или же он опирался в какой-то мере на интеллектуальную традицию, восходящую к работам евразийцев 1920–1930-х гг.?

Начнем с того, что о прямом заимствовании комплекса евразийских идей в 1960–1970-е гг. не могло быть и речи. Евразийские издания, а также другие печатные работы идеологов евразийства были недоступны советской интеллигенции, за исключением небольшой группы лиц, профессионально занимавшихся изучением истории антисоветских эмигрантских течений. Сулейменов к этой группе, очевидно, не относился. Мог ли он опосредованно, через «вторые руки» познакомиться с культурно-исторической концепцией евразийцев? Гипотетически такая возможность имела благодаря работам Л.Н. Гумилева, который начиная с 1956 г. регулярно переписывался с П.Н. Савицким, а через него с Г.В. Вернадским. Сулейменов был знаком по крайней мере с некоторыми ранними работами Гумилева. В одном из недавних интервью он утверждает, что увлекся тюркологией после знакомства с книгой Гумилева «Древние тюрки» (1967) [5].

Другое дело, что взгляды и научные концепции самого Л.Н. Гумилева складывались гораздо раньше, чем он познакомился с евразийским учением, и отличались от него. Переписка Гумилева с Савицким и Вернадским в 1950–1960-е гг. по понятным причинам была ограничена узкой тематикой: «Евразийские вопросы в переписке с Вернадским и даже с Савицким, – пишет биограф Гумилева С.С. Беляков, – почти не затрагивались, так что собственно евразийский элемент здесь очень невелик. Корреспонденты обсуждали спорные вопросы русской истории и проблемы взаимоотношений Руси с кочевниками Великой степи» [6. С. 327]. Близкое сходство можно заметить лишь между культурно-историческими концепциями евразийцев и Гумилева, которые в равной мере исходят из представления о *русско-тюрко-*

монгольском братстве как основе формирования русской государственности и русской (евразийской по своему характеру) культуры. Следует, однако, помнить, что в 1960–1970-е гг. Гумилев обращался к русской истории лишь эпизодически и не написал еще своих главных евразийских работ.

В книге «Аз и Я» содержится лишь одна, хотя и очень важная, ссылка на Л.Н. Гумилева. Вряд ли можно считать случайным сходство целого ряда высказываний Сулейменова с аналогичными высказываниями Гумилева. К примеру, упомянутый выше доклад о происхождении «Слова» Гумилев начинает с критики идеи перманентной борьбы Леса и Степи. «На самом деле, – утверждал он, – отношения русских с печенегами, половцами и татарами прошли длинную эволюцию и менялись подчас диаметрально» [3. С. 340]. В примечаниях к тексту доклада автор писал о том, что после разгрома в 1116 г. половцев русским войском под общим руководством Владимира Мономаха наступил длительный период мира, в течение которого сложилась «единая русско-половецкая система» [3. С. 343]. Трудно здесь не увидеть прямых соответствий с книгой Сулейменова, с идеей наличия «эпохи славяно-тюркского единства». Хотя Гумилев, надо заметить, и не представлял взаимоотношения Леса и Степи в таком идиллически-фантазийном виде, как это делал автор «Аз и Я».

Знакомство Сулейменова с некоторыми идеями Гумилева и вполне вероятное заимствование этих идей не свидетельствует, однако же, о близости его культурно-исторической концепции взглядам евразийцев на русскую историю. Прямое их сопоставление доказывает, по нашему мнению, обратное: никакой преемственности здесь нет, свою концепцию О. Сулейменов разрабатывал *независимо* от евразийской интеллектуальной традиции.

Безусловно, критика европоцентризма и традиционно-презрительного отношения некоторых европейских и русских (советских) историков к степным кочевникам и их культуре сближает Сулейменова с евразийцами. Вполне вероятно, что знакомство с позицией Гумилева в этом вопросе укрепило его критический настрой, хотя он указывает и другой источник своего вдохновения: работу Г.Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1899). Сибирские областники (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев) первыми в отечественной социально-философской мысли отказались видеть в степных кочевниках только «варваров», только «неисторические народы», чьи вторжения в зоны цивилизации имели всецело деструктивный характер. Работы областников были гораздо более доступны советским читателям, нежели работы евразийцев, а их до известной степени преувеличенная оценка внутреннего богатства и высокого уровня развития кочевых культур в области духовного творчества, безусловно, импонировала и была созвучна исторической памяти и естественному чувству национальной гордости О. Сулейменова.

Евразийцы – как Сулейменов, так и Гумилев – акцентировали внимание на длительном историческом периоде социокультурного взаимодействия восточных славян со степными ираноязычными и тюрко- и

монголоязычными кочевниками. Но идеологически мотивированная концепция евразийцев отводила *определяющую* роль в формировании евразийского социокультурного единства («евразийской нации») монгольскому завоеванию и последующему развитию Руси в составе Монгольской империи. «Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства, – отмечал П.Н. Савицкий, – приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-Восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал как единое целое в империи Чингизхана...» [7. С. 45]. Но это, как мы видим, *решительно противоречит* культурно-исторической концепции Сулейменова, который утверждал, что «эпоха славяно-тюркского единства» относится к *домонгольскому* периоду, завоевание Руси монголами как раз *раскололо* это единство и «духовная оппозиция Русь–Поле предельно обострилась» [4. С. 187]. В ходе последующего развития русская культура постепенно «забывала» о своих тюркских корнях, утрачивала евразийский (славяно-тюркский) облик, о котором сохранилась память лишь на бессознательном уровне, в словарном составе русского языка, насыщенного тюркизмами.

В отличие от евразийцев, Сулейменова не интересует политическая история и проблема генезиса российской государственности (как раз то, на чем в большей степени базируется евразийская культурно-историческая концепция). «Эпоха славяно-тюркского единства» в его изображении лишена каких-либо политических составляющих и социально-исторической конкретики. Он «вычисляет» наличие этой эпохи «на кончике пера», только на основе этимологического анализа языка «Слова о полку Игореве», и делает вывод о том, что в X–XII вв. имело место «двужычие», когда феодальная знать и в целом образованный слой населения русских княжеств свободно говорили также и на тюркских наречиях. При этом древнерусский язык энергично впитывал в себя тюркскую лексику, равно понятную в те времена и древним славянам, и древним тюркам.

Евразийцы, пытаясь дать научное обоснование своей идеологии, тоже уделяли много внимания проблеме взаимодействия древнерусского языка с индоевропейскими языками. Так возникла идеологически ангажированная концепция *евразийского языкового союза*, разработанная Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном. В 1923 г. в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой в самом общем виде представил идею о наличии языковых союзов. «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области, – писал он, – обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [8. С. 333]. В 1931 г. Якобсон развил эту идею в концепцию евразийского языкового союза. Якобсон утверждал, что языки «Евразии», той географической области, которую евразийцы считали своеобразным «континентом в континенте», резко отличающимся по своим географическим и природно-климатическим характеристикам от «внешней» Евразии, обладают сходством на *фонологическом* уровне. «Отличительным признаком языков Евразии, по сравнению с монотоническими языками соседних месторазвитий, – утверждал Якобсон, – является фонологическое использование тембровых различий согласных» [9. С. 17]. Имелась в виду разница между твердыми и мягкими согласными, позволяющая дифференцировать словесные значения (*быт – быть; мат – мать; волна – вольна* и пр.). По мнению Якобсона, дифференциация согласных по твердости / мягкости резко отграничивала языки «внутренней» Евразии от языков внешнего окружения, а значит, служила еще одним доказательством наличия единого социокультурного пространства «России – Евразии».

Идеологическая «заряженность» концепции евразийского языкового союза выразилась в том, что Якобсон, во-первых, излишне резко очертил границы этого союза, тогда как (исходя из его же собственного исследования) они «расплывались» в достаточно обширной географической области. Во-вторых, он так и не сумел «привязать» свою концепцию к евразийской идеологеме «месторазвития». Фонологическое сближение далеких друг от друга языков легко объясняется их тесным соседством и длительным взаимодействием без необходимости прибегать к опосредованной мистической взаимосвязи через концепт «месторазвития». Наконец (и это главное!), фонологическое сближение далеких по своему происхождению языков *не делает их понятнее* друг для друга! Татарин, если не он не знает русского языка, не поймет русскую речь, так же как русский, если он не знает татарского языка, не поймет речь татарина. Взаимопонимание достигается на *лексическом*, а не на фонологическом уровне. Язык – это «система систем», как провозглашал сам же Якобсон, а значит, обнаруженная им тенденция к фонологическому сближению тюркских, монгольских, кавказских и восточнославянских языков по одному только из многочисленных признаков ровным счетом ничего не давала евразийцам в плане научного обоснования их идеологии (хотя и создавалась ими для этой цели [10]).

Важно отметить, что в ходе работы над своей книгой Олжас Сулейменов *совершенно очевидно* не был знаком с концепцией евразийского языкового союза. Он шел другим путем, акцентируя внимание на лексических заимствованиях из тюркских языков и билингвизме русского образованного слоя. В поздних работах Сулейменов также не использовал идею языковых союзов. Все это, включая перечисленные выше своеобразные черты культурно-исторической концепции Сулейменова, свидетельствует о том, что разрабатывалась она *независимо от евразийского учения* и была вполне оригинальной. Работы сибирских областников и Льва Гумилева оказали определенное влияние, но скорее не на саму концепцию, а на ее общую направленность, выразившуюся в настойчивом желании опровергнуть стереотипы в отношении кочевых культур и роли кочевников в мировой и отечественной истории.

Публикация книги «Аз и Я» вызвала громкий скандал. На автора обрушилась волна критики, а книга была изъята из продажи и из библиотек. Такая острая реакция требует объяснения. Очевидно, что концепцию Сулейменова нельзя рассматривать изолированно от *социально-политического контекста* 1960–1970-х гг. По мнению Л.Г. Фризмана, книга была подвергнута разгромной критике не столько за ее содержание, сколько за попытку самостоятельно мыслить, игнорируя партийно-идеологический контроль: «расправа с ней стала органической частью тотальной борьбы с любыми проявлениями инакомыслия» [11. С. 387]. С этой точкой зрения можно согласиться, учитывая, что публикация книги пришлось на расцвет эпохи брежневского «застоя». Выражая сомнение в официально признанной «патриотической» версии содержания «Слова о полку Игореве», а также истории создания этого памятника, автор делал себя легкой мишенью для советских партийных органов, отвечающих за государственную идеологию. Трактровка «Слова» не считалась в то время идеологически нейтральной, «эта проблема давно перестала быть чисто научной и густо обросла ненаучными оборотами и политическими коннотациями» [2. С. 26–27]. Официозные критики, набросившиеся на автора, обвиняли его в антирусской направленности, в отсутствии патриотизма, в «скрытом» сионизме, наконец, объявляли его книгу «пантюркистской вылазкой». Абсурдность этих обвинений вполне очевидна. И все же взгляд на книгу Сулейменова как на произведение в первую очередь *идеологическое* позволяет нам более точно выявить ее место и значение в евразийском дискурсе.

Критическая составляющая культурно-исторической концепции Сулейменова была направлена против версии древнерусской истории, сложившейся в предвоенное время и без существенных изменений развивавшейся в 1960–1970-е гг. Эта версия отражала ряд фундаментальных *идеологических установок*, навязанных советской исторической науке. Во-первых, единство «советского народа» как «новой исторической общности» возводилось к этнокультурному единству *древнеславянского народа* Киевской Руси (чем и было вызвано необычайное внимание советских историков к этому периоду). Во-вторых, Киевская Русь рассматривалась как *классическое феодальное государство*, что позволяло включить ее в марксистскую концепцию смены общественно-экономических формаций («пятичленку») и подкрепить официальную версию советской истории. В-третьих, с той же целью история Киевской Руси была представлена как *часть истории Европы*, потому что «социалистическая» революция не могла произойти в отсталой азиатской стране. С этой целью «обесценивались» культурные связи Киевской Руси с Востоком и подчеркивались контакты с Западом.

Концепция Сулейменова, включавшая тезис об эпохе многовекового славяно-тюркского единства, наносила, таким образом, чувствительный удар советской государственной идеологии, что отразилось в научных трудах по истории Древней Руси. Поэтому она и встретила такой отпор, хотя основания ее крити-

ки озвучивались иные. Сам автор, геолог по базовому образованию, очевидно, не понимал глубину своих расхождений с официальной государственной идеологией. Наоборот, он, как типичный представитель советской интеллигенции 1950–1960-х гг., был преисполнен *гуманистического энтузиазма* и веры в коммунистический идеал, очищенный от сталинских «искажений» и «перегибов». Выявляя и подчеркивая культурные связи древних славян с древними тюрками, Сулейменов, как ему, видимо, казалось, *расширял* культурно-историческую основу единства *советского народа*, добавляя к древнеславянскому единству еще и тюркскую этнокультурную компоненту. Но в рамках сложившейся идеологической доктрины советского государства такой «довесок» был неприемлем. Ведь даже невинная попытка некоторых советских ученых-обществоведов «расшатать» однолинейную концепцию «пятичленки» с помощью ссылок на «азиатский способ производства», упоминаемый в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, в целом также окончилась неудачей.

Острая реакция на книгу Сулейменова отразила конфликт между официальной советской идеологией периода застоя с тем широким и достаточно размытым идейным течением (внутрипартийным и внепартийным), которое Н.С. Хрущев обозначил как «возвращение к ленинским принципам демократизма». В самых общих чертах это идейное течение можно охарактеризовать как «левый ренессанс», включавший отказ от тоталитарных крайностей и ультралевого консерватизма сталинской эпохи. Идеология левого ренессанса формировалась под влиянием таких событий, как XX съезд КПСС (1956), разрядка международной напряженности, освободительное движение в странах Азии и Африки, Всемирный фестиваль молодежи в Москве (1957), кубинская революция (1959), полет в космос Юрия Гагарина (1961). В социально-философском плане левый ренессанс – это *гуманистический универсализм*, рассматривающий все человечество как единое планетарное сообщество равноправных людей, движущееся к справедливому социальному устройству и широкой демократии на основе научно-технического прогресса. Левый ренессанс 1950–1960-х гг. был явлением общеевропейским, но советская его разновидность имела специфические отличия, обусловленные сохранившимися в главных чертах тоталитарным характером политического режима.

Идеология советского «левого ренессанса» отражена в публицистике того времени, в ранних произведениях братьев Стругацких, в поэтических произведениях некоторых писателей, поэтов, бардов и, конечно же, в творчестве Олжаса Сулейменова. Известные строки из его поэмы «Земля, поклонись человеку!» (1961) служат ярким выражением гуманистического универсализма советского «левого ренессанса»:

Нет Востока,
И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца.

Нет Востока,
И Запада нет.
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово –
ЗЕМЛЯ!

Приверженность Сулейменова идеям, вдохновлявшим представителей «левого ренессанса», не вызывает сомнений, в частности потому, что он сам об этом неоднократно заявлял. В 2010 г. Сулейменов резко критиковал идею провозглашения Казахстана «мононациональным государством», чем вызвал гнев казахских националистов. В 2014 г. на радиостанции «Свобода» он выразил надежду на то, что в будущем Россия, Беларусь, Казахстан и другие республики объединятся с Европейским союзом и «создадут громадный, глобальный Евразийский союз от Атлантики до Тихого океана» [12]. А в недавнем интервью «Известиям» (2018), отвечая на вопрос о том, изменились ли его взгляды, Сулейменов сказал: «Я всегда был и остаюсь интернационал-социалистом» [5].

Из сказанного очевидно, что культурно-историческая концепция Олжаса Сулейменова, сложившаяся в контексте «левого ренессанса», не имеет ничего общего с ультраправой, консервативной идеологией евразийства. Только *изъяв ее из этого контекста*, можно говорить о некотором отдаленном сходстве с евразийским взглядом на отечественную историю, да и то всецело ограниченном древнерусским периодом, когда шел процесс интенсивного политического и этнокультурного взаимодействия восточнославянского и тюркского населения. Это поверхностное сходство никого не должно вводить в заблуждение: констатация длительного культурного взаимодействия древних славян и древних тюрков для евразийцев и для Сулейменова *имеет совершенно разный смысл*. Евразийцам она служила идеологической опорой для манифестации особого пути развития России, а Сулейменову – идеологической опорой для гуманистического всепланетарного взгляда на человечество как единую социокультурную общность («единство в многообразии»). Но по иронии судьбы, вырванная из социально-политического контекста, в котором она формировалась, концепция Сулейменова в период кризиса коммунистической системы и распада СССР оказалась включена в совершенно иной контекст формирующегося неоевразийского дискурса.

Евразийство 20–30-х гг. XX в. явилось ультраправой, консервативной реакцией на победу большевиков в Гражданской войне. Это была идеология *политического реваншизма* – идеология людей, потерпевших поражение, но испытывающих горячее стремление переиграть историю. Неоевразийство рубежа XX–XXI вв. также явилось ультраправой, консервативной, реваншистской реакцией на поражение в холодной войне, распад СССР и начавшийся распад России. На этой почве возникли массовые фобии: страх перед окончательным распадом и гибелью государства, страх перед врагами, которые нас окружили со всех сторон, ненависть к «либералам», которые «развалили страну» и ввергли народ в нищету, ненависть к нуворишам, разбогатевшим на эксплуатации природных

ресурсов, и т.д. На базе этих фобий вызревали настроения и ожидания, которые предопределили возрождение националистических и других правых идеологий, в том числе неоевразийства.

Чеченский политический деятель и активист неоевразийского движения Хож-Ахмед Нухаев заявил как-то, что «евразийство означает союз между православием и исламом на почве противостояния Западу» (цит. по: [13. С. 376]). К этому следует добавить еще и союз между государством и Церковью на основе консервативных ценностей. Таким образом, неоевразийство – это широкое интеллектуальное и общественно-политическое течение ультраправого и правого толка, вдохновляемое идеями политического консерватизма, реваншизма, партикуляризма и антизападничества. Неоевразийство враждебно как праволиберальным, так и леволиберальным (социалистическим) идеологиям.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. неоевразийское течение формировалось под большим влиянием Льва Гумилева, идейное наследие которого и теперь широко используется неоевразийскими авторами в качестве теоретической основы их собственных работ. И хотя Гумилева не интересовало политическое приложение его взглядов, нельзя отрицать, что кое-что в них было созвучно классическому евразийству и его современным вариациям. Значительно меньшее воздействие на формирование комплекса неоевразийских идей оказала книга Олжаса Сулейменова. Культурно-историческая концепция «Аз и Я» потерялась на фоне гораздо более «раскрученной» гумилевской, но зато большую популярность приобрели филологические изыскания все новых и новых тюркских заимствований в русском языке, захватившие как профессионалов, так и дилетантов, как правило, националистического толка. Принципиальное расхождение взглядов Сулейменова с евразийской идеологией мало кто при этом замечал, так как социально-политическая ситуация в России на рубеже XX–XXI вв. формировала такой контекст восприятия его книги, который совершенно затмевал ее гуманистические и «левые» мировоззренческие истоки.

Несколько иначе дело обстояло на родине Сулейменова. Неоевразийство, практически ставшее при Нурсултане Назарбаеве официальной идеологией Казахстана, многим обязано Олжасу Сулейменову. Однако, кроме названия, эта идеология имеет мало общего с классическим евразийством и с российскими разновидностями неоевразийства. Позиционирование Казахстана как евразийского государства служит обоснованием его открытости к любым внешнеполитическим контактам, альянсам и союзам. Эта открытость манифестируется как *многовекторность* внешней политики Казахстана, призванная «установить партнерские отношения со всеми основными полюсами влияния – Россией, Китаем, США, ЕС, Индией, арабскими странами, странами Юго-Восточной Азии» [14. С. 254]. Политический курс Назарбаева правильнее было бы назвать *политическим прагматизмом*, использующим евразийскую риторику. Суть этого прагматизма – принципиальный отказ от конфронтации с кем бы то ни было, открытость для всех возможных направлений и путей решения внутренних

проблем посредством разноуровневой, разноскоростной и разновекторной интеграции в *глобальное пространство*. Внутренняя политика Казахстана демонстрирует сложное сочетание праволиберальных тенденций в экономике и леволиберальных тенденций в социальной и национальной политике. Отдаленное сходство с классическим евразийством угадывается только в отчетливо выраженных авторитарных тенденциях развития политической системы Казахстана, а также в стремлении легитимировать эти тенденции с помощью государственной идеологии.

Как известный общественный деятель, а не только поэт, Олжас Сулейменов разделяет ответственность за укрепление авторитарной политической модели в

Казахстане. Однако этот его выбор обусловлен скорее внутривнутриполитической обстановкой в республике и внешнеполитическими факторами, чем эволюцией его мировоззрения и политических взглядов, которые сформировались в эпоху левого ренессанса и нашли выражение в книге «Аз и Я». И хотя по воле случая культурно-историческая концепция Сулейменова долгое время воспринималась как произведение, включенное в евразийскую интеллектуальную традицию, в евразийский дискурс, в действительности, как мы пытаемся доказать, кроме поверхностного сходства, выразившегося в констатации тесных культурных связей древних славян с древними тюрками, эта концепция не имеет ничего общего с евразийством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1976. № 6. С. 203–210.
2. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
3. Гумилев Л.Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве» // Л.Н. Гумилев. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 340–361.
4. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазуши, 1975. 304 с.
5. Сулейменов О. Всегда был и остаюсь интернационал-социалистом. URL: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegday-byl-i-ostaius-international-sotcialistom> (дата обращения: 14.07.2018).
6. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. Самая полная биография Льва Гумилева. М.: Астрель, 2012. 799 с.
7. Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения) // П.Н. Савицкий. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 13–78.
8. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 327–338.
9. Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Издание евразийцев, 1931. 59 с.
10. Лихоманов И.В., Бойко В.А. Евразийцы и муза Клио: от мифологии – к науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 4. С. 173–187.
11. Фризман Л. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 385–390.
12. Сулейменов О. Полная независимость – это большая опасность. URL: <https://rus.azattyq.org/a/interview-olzhas-suleymenov/26697666.html> (дата обращения: 21.05.2018).
13. Кловвер Ч. Черный ветер, белый снег. Новый расцвет национальной идеи / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Фантом Пресс, 2017. 496 с.
14. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. М.: Экономика. 2008. 398 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2019 г.

AZ i YA by Olzhas Suleimenov in the Context of the Eurasian Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 137–144.

DOI: 10.17223/15617793/454/16

Igor V. Likhomanov, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: graingar@yandex.ru

Vladimir A. Boyko, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vboyko100@gmail.com

Key words: Eurasianism; Neo-Eurasianism; culture; ideology; discourse; conservatism; revanchism.

The article discusses the correlation of Olzhas Suleimenov's cultural-historical conception (1975) with the Eurasian ideology of the 1920s–1930s and the influence of this conception on the formation of Neo-Eurasianism in post-Soviet Russia. The authors of the article conclude that, when creating this conception, Suleimenov was unfamiliar with the Eurasian doctrine. In particular, he was unaware of the ideologically biased concept of the Eurasian language union developed in 1931 by Roman Jakobson. Although the Eurasians considered the period of the Mongolian domination during the 13th–15th centuries as the key element in the formation of the “Eurasian nation”, Suleimenov, however, credited the pre-Mongolian time as a period of the maximum cultural convergence of ancient Slavs and ancient Turks. He even believed that the Mongolian conquest of Russia provoked the split of the sociocultural unity of the Slavs and the Turks. Works by the Siberian oblastniks of the 19th century and Lev Gumilyov's early works also influenced Suleimenov's ideas to some extent. Suleimenov created his cultural-historical conception in the context of the “Left Renaissance” of the 1950s—1960s. The social and philosophical basis of this Renaissance was humanistic universalism, which considered all humankind as a united planetary community of people equal in rights and moving towards a fair social system and democracy. Therefore, the statement of the long period of Old Slavic and Old Turkic cultures' interpenetration has an essentially different meaning for Suleimenov and for Eurasians. For the latter, it was an ideological support for the demonstration of the special way of Russian development; for the former, it was an ideological support of the prospects of the development of humankind as a united sociocultural community. The Eurasianism of the 1920s–1930s was an ultra-right, conservative reaction to the victory of the Bolsheviks. Neo-Eurasianism was also an ultra-right, conservative, revanchist reaction to the defeat of the USSR in the Cold War and the country's subsequent disintegration. The sociopolitical context at the turn of the 21st century formed the perception of the book *AZ i YA* [AZ and I] that blurred its humanistic and leftist basis. As a result, for a long time, this book was wrongly perceived as being a product and part of the Eurasian intellectual tradition; in fact, it has nothing in common with this tradition. Suleimenov's ideas, meanwhile, significantly influenced the formation of the modern Republic of Kazakhstan's “Eurasian” state ideology. However, this ideology has little in common with classical Eurasianism and with modern Russian Neo-Eurasianism. Indeed, the political course adopted by Pres-

ident Nazarbayev could be termed as political pragmatism, i.e., using the Eurasian rhetoric to integrate Kazakhstan into the global economic and cultural space, a policy that evidently contradicts all Russian versions of Neo-Eurasianism.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S. (1976) Gipotezy ili fantazii v istolkovanii temnykh mest "Slova o polku Igoreve" [Hypotheses or Fantasies in the Interpretation of Unclearities in "The Tale of Igor's Campaign"]. *Zvezda*. 6. pp. 203–210.
2. Zaliznyak, A.A. (2008) "Slovo o polku Igoreve": vzglyad lingvisty ["The Tale of Igor's Campaign": A Linguist's Opinion]. 3rd ed. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
3. Gumilev, L.N. (2012) Mongoly XIII v. i "Slovo o polku Igoreve" [Mongols of the 13th Century and "The Tale of Igor's Campaign"]. In: Goncharova, E.M. (ed.) *Chernaya legenda. Druz'ya i nedrugi Velikoy stepi* [Black Legend. Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow: Ayris-press. pp. 340–361.
4. Suleymenov, O. (1975) *AZ i Ya. Kniga blagonamerennogo chitatelya* [AZ and I. A Book of a Well-Intentioned Reader]. Alma-Ata: Zhazushi.
5. Suleymenov, O. (2018) *Vsegda byl i ostayus' internatsional-sotsialistom* [I Have Always Been and Will Remain an International Socialist]. [Online] Available from: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegda-byi-i-ostaius-internatsional-sotsialistom>. (Accessed: 14.07.2018).
6. Belyakov, S.S. (2012) *Gumilev syn Gumileva. Samaya polnaya biografiya L'va Gumileva* [Gumilyov, the Son of Gumilyov. The Most Complete Biography of Lev Gumilyov]. Moscow: Astrel'.
7. Savitskiy, P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [The Eurasia Continent]. Moscow: Agraf. pp. 13–78.
8. Trubetskoy, N.S. (1995) *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Tongue]. Moscow: Progress. pp. 327–338.
9. Jakobson, R.O. (1931) *K kharakteristike evraziyskogo yazykovogo soyuza* [Characterizing the Eurasian Language Union]. Paris: Izdanie evraziytsev.
10. Likhomanov, I.V. & Boyko, V.A. (2017) Eurasians and Muse of Klio: From Mythology to a Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 173–187. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/17
11. Frizman, L. (2002) Vozmutitel' spokoystviya. Kniga O. Suleymenova "Az i Ya" pod ognem ideologicheskoy kritiki [A Troublemaker. Olzhas Suleimenov's Book "AZ and I" Under the Fire of Ideological Criticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 55. pp. 385–390.
12. Suleymenov, O. (2014) *Polnaya nezavisimost' – eto bol'shaya opasnost'* [Total Independence Is a Great Danger]. [Online] Available from: <https://rus.azattyq.org/a/interview-olzhas-suleymenov/26697666.html>. (Accessed: 21.05.2018).
13. Clover, C. (2017) *Chernyy veter, belyy sneg. Novyy rastsvet natsional'noy idei* [Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism]. Translated from English by L. Summ. Moscow: Fantom Press.
14. Nazarbaev, N.A. (2008) *Strategiya stanovleniya postindustrial'nogo obshchestva i partnerstvo tsivilizatsiy* [The Strategy of the Formation of Post-Industrial Society and the Partnership of Civilizations]. Moscow: Ekonomika.

Received: 27 November 2019